

они не произвели, всѣ эти авторы только еще пробуютъ крылья. Писатели 1870 г. до сихъ поръ царятъ въ норвежской литературѣ, благодаря своему величію, славѣ и силѣ.

Ломброзо объ итальянской литературѣ.

Гюйо, авторъ „*Les problèmes de l'esthétique contemporaine*“ утверждаетъ: „Любовь къ наукѣ и философское пониманіе могутъ проникать въ искусство и непрерывно его преобразовывать. Мы смотримъ уже не тѣми глазами и чувствуемъ не прежнимъ сердцемъ, когда умъ нашъ сталъ развитѣе, а знаніе возросло, и когда мы въ каждомъ ничтожнѣйшемъ отдѣльномъ существѣ видимъ несравненно большую часть мірозданія...“

Съ такой эстетической точки зрѣнія итальянская литература представляетъ довольно любопытное зрѣлище. Она стоитъ какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ современной науки. Прекрасное — ради него самого, искусство — ради искусства, подражаніе древнимъ образцамъ, классицизмъ въ искусствѣ, возведенный на степень догмата, являются характерною чертою современныхъ итальянскихъ поэтовъ. Немногія исключенія подтверждаютъ только общее правило. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Алларди подцвѣтилъ свои стихи немножко ботаникой, подобно тому, какъ Машерони уснащаль въ прошломъ вѣкѣ свои стихи геологіей. Патеръ Занелла воспѣлъ въ извѣстной одѣ ископаемую раковину, излагая вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэтической формѣ послѣднія открытія въ области палеонтологіи, а Патуцци написалъ цѣлую поэму о человѣкѣ каменнаго вѣка. Наука у всѣхъ у нихъ является, однако, чѣмъ-то внѣшнимъ и напускнымъ, подобно золотой пудрѣ на волосахъ прелестницъ, улетающей безслѣдно при первомъ вѣяніи вѣтерка.

Впрочемъ, имѣются также и въ Италіи нѣкоторые писатели, пытающіеся черпать поэтическое свое вдохновеніе въ естествовѣдѣніи и въ исторіи. Къ числу ихъ принадлежитъ Артуръ Графъ, оригинальный талантъ котораго обусловливается двойственнымъ смѣшеніемъ расы и климата. Онъ родомъ изъ Румыніи и происходитъ отъ смѣси латинской крови съ германскою. Сборникъ поэтическихъ произведеній Графа — „Медуза“ — представляетъ любопытную смѣсь естествознанія съ философіей Шопенгауера, объединенную пламенемъ поэтическаго вдохновенія. „Бѣсъ“ и „Легенда о Римѣ“, написанныя въ прозѣ, имѣютъ, кромѣ литературной цѣнности, крупныя историческія и филологическія достоинства.

Рапизарди является теперь одновременно итальянским Ювеналомъ и Лукреціемъ. Онъ началъ литературную свою карьеру превосходнымъ переводомъ произведеній великаго римскаго поэта-позитивиста, отъ котораго заимствовалъ, къ сожалѣнію, жесткость стиха и презрѣніе къ формѣ. Въ „Lucifero“ и въ „Giobbe“ онъ создалъ беспощадную сатиру на современное общество и въ особенности на итальянскіе литературные кружки. Его можно было бы упрекнуть въ нѣкоторомъ недостаткѣ объективности, но этотъ недостатокъ сообщаетъ зато его произведеніямъ отпечатокъ своеобразной оригинальности. Рапизарди издалъ недавно сборникъ религиозныхъ стихотвореній, являющійся гимномъ въ честь природы и отвлеченной красоты. Въ другомъ своемъ поэтическомъ произведеніи онъ затрагиваетъ самые серьезные современные социальныя вопросы.

Прага, погибшій жертвою алкоголизма, былъ обязанъ этому неврозу гениальными своими вдохновеніями. Онъ первый въ Италіи осмѣлился отступить отъ греколатинскихъ традицій и обратиться непосредственно къ матери-природѣ. Лучшія его произведенія „Penombra“ и „Tavolozza“.

Та-же самая участь постигла и его земляка ломбардца Ровани, историческіе романы котораго „Юлій Цезарь“ и „Столѣтній періодъ“ представляютъ большой интересъ благодаря вложенному въ нихъ тонкому психологическому анализу и согласованію описываемыхъ событій съ воззрѣніями современной исторической критики.

Первое мѣсто, однако, среди оригинальныхъ итальянскихъ прозаиковъ занимаетъ Мантегацца, отличающійся изумительной многосторонностью, позволяющей ему съ честью подвизаться въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Онъ былъ послѣдовательно патологомъ, физиологомъ, химикомъ, антропологомъ, географомъ, путешественникомъ и беллетристомъ. Его романъ „Dio ignoto“ является наполовину натуралистическимъ. Въ „Физиологіи удовольствія“ Мантегацца примѣняетъ своеобразный приѣмъ самонаблюденія, который по формѣ граничитъ съ романомъ, а по точности добытыхъ данныхъ лежитъ въ области научнаго знанія. Въ „Физиологіи страданія“ онъ становится опять исключительно ученымъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать про его „Игры и празднества“. Но въ религиозно-философскихъ своихъ воззрѣніяхъ этотъ писатель обнаруживаетъ замѣчательное непостоянство.

Менѣе оригинальнымъ, но болѣе послѣдовательнымъ съ самимъ собою былъ недавно умершій Трецца, извѣстный какъ

богословъ, поэтъ, историкъ, литературный критикъ, философъ и филологъ. Онъ былъ сперва католическимъ патеромъ и однимъ изъ самыхъ пламенныхъ проповѣдниковъ, но затѣмъ научныя изслѣдованія заставили его порвать связь съ католицизмомъ. Онъ первый въ Италіи пытался написать исторію литературы съ научной точки зрѣнія.

Самой блестящей изъ звѣздъ первой величины, сіяющихъ теперь на небѣ итальянской литературы, надо признать, однако, Джіозуэ Кардуччи. Это истинный представитель итальянскаго литературнаго генія, — античный черенокъ, привитый на дичкѣ современности. Онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность многочисленными поэтическими произведеніями („Poesie“, „Nuove Poesie“, „Odi „Barbare“, „Nuove odi Barbare“, „Terze odi Barbare“, „Nuove Rime“ и т. д.). Онъ изобрѣлъ или, лучше сказать, возродилъ стихотворный размѣръ, воспроизводящій ритмъ греческой и римской поэзіи, и такимъ образомъ разрѣшилъ задачу, съ которой не могли сладить Триссино, Кампанелла, Кіабрера и др.

Кардуччи — поэтъ новаго языческаго возрожденія, покрытаго, однако, извѣстнымъ лакомъ современности и согрѣтаго патриотическими и революціонными страстями, не проявлявшимися въ эпоху средневѣкового Возрожденія. Изъ прозаическихъ его произведеній наибольшій интересъ представляютъ изслѣдованія по исторіи итальянской литературы и полемическія статьи, носящія зачастую очень рѣзкій характеръ. Зато историческая его критика отличается необычайной тонкостью и остроуміемъ.

Кромѣ этихъ извѣстныхъ всей Италіи и, если можно такъ выразиться, національныхъ итальянскихъ произведеній, имѣется еще несравненно большее число литературныхъ произведеній мѣстнаго характера на разныхъ областныхъ нарѣчійхъ. Среди нихъ, между прочимъ, можно найти замѣчательнѣйшія сатирическія стихотворенія и наиболѣе пикантныя комедіи *).

Впрочемъ, даже и помимо литературы на мѣстныхъ нарѣчійхъ, замѣчается въ кадрахъ итальянской литературной арміи раздѣленіе по областямъ. Такъ существуетъ лигурійско-піемонтская школа, признаннымъ вождемъ которой является де-Амичисъ. Школа эта, считающая въ своихъ рядахъ Барилли, Фарину, Берсезію, Джіакозу, Фальделлу и др., отличается почти женственной сентиментальностью, совершенно негармонирующей съ дикими горными пейзажами родной ихъ области. За послѣд-

*) Паскарелла писалъ на римскомъ, Джіакомо — на неаполитанскомъ, Берсезію — на піемонтскомъ, а Риззото — на сицилійскомъ нарѣчій.

нее время, однако, Амичисъ перешелъ въ лагерь социалистовъ. Его „Океанъ“ и „Романъ школьнаго учителя“ носятъ уже явственный отпечатокъ новаго направленія, проявляющагося еще рѣзче въ послѣднемъ произведеніи „Primo maggio“, имѣющемъ положительно революціонный характеръ.

Тоскано-болонская школа, во главѣ которой стоитъ Кардуччи, вдохновляется болѣе непосредственно древними классическими образцами. Къ ней принадлежатъ Панзакки, Марради и Стеккети. Этотъ послѣдній одно время ударился было въ своеобразный натурализмъ, являвшійся на самомъ дѣлѣ скрытою формой порнографіи. Онъ искупилъ, впрочемъ, этотъ грѣхъ множествомъ филологическихъ мемуаровъ самой академичной серьезности.

Абруццская школа, по примѣру своего вождя Анунціо, бывшаго прежде поэтомъ, а теперь ставшаго романистомъ — психологомъ (см. „Piacere“, „Innocente“, „Episcopo“), любитъ яркій колоритъ, изысканную фразу, фейерверкъ идей и словъ, что иногда доводитъ ее до риторической напыщенности и крайняго преувеличенія. Вообще онъ лучше знаетъ и правильнѣе описываетъ внѣшнюю форму, чѣмъ внутреннюю жизнь.

Въ неаполитанской школѣ мы встрѣчаемъ тонкихъ критиковъ, вырисовывающихъ, если можно такъ выразиться, самыя нѣжные и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя хрупкіе узоры. Изъ числа наиболѣе знаменитыхъ назовемъ: Сеттембрини, де-Санктиса, Бонги, Имбриани и Виллари.

Болѣе грубый, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе оригинальный и мощный характеръ имѣетъ сицилійская литература, быть можетъ, благодаря смѣшенію латинской расы съ семитами и норманнами. Кромѣ Амари, Лафарини и Питре, создавшаго народную итальянскую былинку, Сицилія можетъ похвастать тѣмъ, что произвела двухъ крупнѣйшихъ итальянскихъ романистовъ: Вергу и Капуана, — двухъ Додэ, или лучше сказать Зола, перенесенныхъ на итальянскую почву. Въ „I Malavoglio“, „Don Gesualdo“ и „Cavalleria Rusticana“ Верга рисуетъ намъ внутреннюю жизнь сицилійцевъ, со всеми ея закулисными сторонами. Капуана въ „Giacinta“ изображаетъ нравы современныхъ сицилійскихъ горожанъ, а въ „Profumo“ даетъ прекрасный психологическій этюдъ истеричнаго темперамента.

Въ числѣ нынѣшнихъ итальянскихъ литературныхъ знаменитостей есть очень много и такихъ, которыя не могутъ быть причислены въ сущности ни къ одной провинціальной школѣ. Такъ, Барилли, хотя и лигуріецъ, но тѣмъ не менѣе отличается

самобытной реалистической оригинальностью; Фогадцаро придерживается мистическаго направленія, соединяющагося у него съ глубиною мысли и чувства. За послѣднее время онъ пытался примирить дарвинизмъ и позитивизмъ съ основными принципами католическаго вѣроисповѣданія; Де-Роберто въ нѣкоторыхъ романахъ, на примѣръ, въ „Illusione“ проявилъ несомнѣнную творческую силу; Коррадо Коррадино воскресилъ передъ нами средневѣковую поэзію, а Скарфоліо далъ въ „Don Chisciotte“ классическій образчикъ литературной и соціальной критики.

Женщины отмежевали себѣ тоже уголокъ въ итальянской литературѣ. Сравнительно немногія изъ нихъ пишутъ стихами. Къ числу этихъ немногихъ принадлежатъ графиня Лора, маркиза Коломби, Ада Негри,—муза полей и вмѣстѣ съ тѣмъ итальянскаго социализма, и, наконецъ, Анни Виванти, на половину итальянка, на половину американка и ко всему этому еще еврейка. Благодаря такому смѣшанному происхожденію, она замѣчательно бойко владѣетъ стихомъ своеобразнаго пошиба, во все неотзывающагося классицизмомъ, что составляетъ въ итальянской литературѣ весьма рѣдкое явленіе.

Большинство итальянскихъ писательницъ упражняются въ повѣстяхъ, разсказахъ, легкихъ очеркахъ, и подвизаются на поприщѣ интимнаго романа. Обыкновенно онѣ описываютъ сердечное горе молодой дѣвушки, или женщины, рассказывая подъ весьма прозрачнымъ флеромъ собственную автобіографію, или приключенія своихъ пріятельницъ, или, наконецъ, любовныя грѣшки ихъ мужей. Самыми выдающимися изъ нихъ считаются теперь Матильда Серрао, Неера и Бруно Сперани. Слѣдуетъ также отмѣтить замѣчательныя этюды маркизы Коломби о крестьянкахъ, работающихъ на рисовыхъ поляхъ, а также серьезныя, энергическія статьи г-жи Кулишовой по женскому рабочему вопросу.

Вообще итальянская литература не можетъ пожаловаться теперь на обиліе выдающихся художественныхъ произведеній. Это обуславливается взаимодѣйствіемъ многихъ причинъ. Для романа и комедіи писатель нуждается въ матеріалахъ для наблюденій, которые можно найти лишь въ большихъ городахъ. Между тѣмъ на апеннинскомъ полуостровѣ только Римъ и Неаполь обѣщаютъ разростись въ настоящія столицы. Вообще въ Италіи типы не отличаются разнообразіемъ и оригинальностью, такъ что тамъ труднѣе, чѣмъ напр. въ Россіи, розыскать подходящіе образцы. Къ тому же классическое воспитаніе постоянно служило итальянскимъ писателямъ помѣхой при изученіи общественныхъ

аномалій и тѣмъ самымъ препятствовало развитію національной итальянской литературы.

Классицизмъ, бывшій для Италіи втеченіе многихъ вѣковъ единственнымъ вдохновителемъ общественныхъ учрежденій, нравовъ и даже самого искусства, подъ конецъ утратилъ мало по малу жизненную свою силу. Теперь если и восхищаются еще дивными его произведеніями, то скорѣе лишь по привычкѣ. Имъ болѣе всего восхищаются тѣ, которые его не знаютъ и не понимаютъ. Религіозная живопись создала столько Мадоннъ и св. Младенцевъ, что убила возможность всякаго вдохновенія на этомъ поприщѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ натурализмъ до такой степени проникъ уже въ общественное сознаніе, что положительно препятствуетъ художнику отыскивать сюжеты внѣ осязаемой природы. Въ результатѣ проявляется у робкихъ умовъ неувѣренность, парализующая творчество.

Публицистика и политическая дѣятельность отвлекаетъ въ Италіи много силъ отъ литературнаго поприща. Сверхъ того, трудности, съ которыми надо бороться въ началѣ этого поприща, зачастую побуждаютъ людей, написавшихъ дѣйствительно талантливую вещь, ограничиваться однимъ первымъ своимъ произведеніемъ (Берсезіо написалъ только „Travet“; Бойто — однѣ „Баллады“; Валкаренги и Скарфольо — по одному роману). Вообще политическая свобода повлекла за собой ослабленіе литературнаго творчества. Чужеземное владычество вдохновляло сердца чувствомъ патріотизма и вызывало въ высшей степени плодотворную сосредоточенность мышленія. Возбужденіе умовъ служило превосходной почвой для художественнаго творчества. Италія пережила съ тѣхъ поръ революціонную эпоху, которая сообщаетъ особый закалъ душамъ вообще всѣхъ современниковъ. Даже и тѣ, которые не принимали непосредственнаго участія въ событіяхъ такой эпохи, а слѣдили за ними лишь издали, надолго сохраняютъ подъемъ воззрѣній и чувствъ до уровня, значительно превышающаго обычную норму. Достаточно было пережить эту возбуждающую эпоху для того, чтобъ сдѣлаться значительно лучшимъ, пріобрѣсти болѣе чистое сердце и болѣе мощную волю. Новыя идеи и великодушныя порывы, охватывающіе цѣлый народъ, проникаютъ во всѣ души и облагораживаютъ цѣлое поколѣніе.